

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

**СТАРООБРЯДЦЫ НА ФОТОГРАФИЯХ ЛИЧНОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КОЛЛЕКЦИИ
НОВГОРОДСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА¹***Илья Мельников²*

В статье приводится краткий обзор фотографий кон. XIX — нач. XX в., ныне хранящихся в фондах Новгородского государственного музея-заповедника и происходящих из личных собраний старообрядцев Новгородской области и их потомков. Уделяется внимание разнообразным способам визуальной репрезентации служителей старообрядческих моленных, от портретов, акцентирующих статус служителя, до семейных фото «на память». Также отмечается влияние городской культуры, которое способствовало лояльному отношению старообрядцев Новгородской области к фотографированию уже на раннем этапе появления этого способа сохранения личной памяти.

Предметы семейных собраний, попадающие в состав музейной коллекции, выходя за пределы личного бытования, становятся частью культурной накопительной памяти, репрезентируют представление об общем значимом прошлом³. При этом, пожалуй, нет артефакта, столь тесно связанного с личной историей, чем семейные фото. Они существуют в контексте нарративов, воспроизводящих воспоминания о членах семьи, близких друзьях и родственниках⁴. Благодаря работе с личными фотографиями, попавшими в музей-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19–312–60001.

² Кандидат культурологии, научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

³ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 55–59.

⁴ Власова Т. Рассматривание, рассказывание, припоминание: нарративизация содержания семейных фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов: Научная книга, 2007. С. 326–348.

ные фонды, исследователь получает возможность прикоснуться к семейной памяти в том виде, в котором люди, передавшие фото в музей, хотели бы сделать ее частью общекультурного достояния. Другими словами, речь идет о несколько обезличенной, репрезентативной истории семьи. Впрочем, на ранней стадии существования традиции создания портретных и семейных снимков, они также были рассчитаны на репрезентацию, демонстрировали статус запечатленных на них людей либо семьи, и лишь позже стали приобретать более личный характер¹. Особенно интересно, как эти функции находили воплощение в старообрядческой среде, в которой зачастую видят достаточно консервативное сообщество, негативно относящееся к фотографированию. Стоит отметить, что эти слова справедливы лишь для отдельных локальных групп², а отношение к фотографии зависело от региона и социальной принадлежности заказчиков снимков. Достаточно лояльное отношение староверов Новгородской губернии к фотографированию подтверждается тем, что в их ранних семейных фото находило выражение желание не только сохранить семейную память, но и продемонстрировать те или иные социальные роли и статусы, зачастую связанные с профессиональной жизнью сообщества.

Настоящая статья представляет обзор визуального материала из личных коллекций, хранящегося в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (далее — НГОМЗ) и отражающего некоторые аспекты жизни старообрядцев Новгородской области. Источники поступления семейных фото в музейные фонды разнообразны. Большинство снимков привезены из этнографической экспедиции НГОМЗ в Солецкий район Новгородской области в 1992 г. Некоторые дополнили музейное собрание благодаря командировке в Крестецкий район сотрудника музея С. В. Моисеева, а также были переданы отдельными частными

¹ Васильева Е. В., Стрельникова А. В. Биографическая память городских семей: опыт анализа фотоальбомов // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 2 (82), 2012. С. 292.

² См., напр.: Быкова Е. В., Пригарин А. А. Мир визуальных образов старообрядцев Тувы: от иконы и лубочной картинки до фотографии // Новые исследования Тувы. № 1, 2019. С. 91.

лицами в 1990–2000 гг. Этим объясняется некоторая неравномерность представленных на фото районов Новгородской области, в которых проживали старообрядцы. Подавляющее большинство фотографий фиксируют жителей Солецкого района, большая часть которого некогда относилась к Порховскому уезду Псковской губернии. Кроме того, сама подборка невелика — выявлено всего 16 фотографий 1880-х — 1930-х гг. Однако они дают некоторое представление об отдельных аспектах повседневной культуры и исторической памяти старообрядчества этого периода.

Среди анализируемого фотоматериала можно условно выделить в отдельную категорию фотопортреты, представляющие служителей старообрядческих моленных. На таких снимках акцентируется именно эта социальная ипостась запечатленных на них людей. В частности, к таким портретам можно отнести фотографию кон. XIX в., на которой снят старообрядческий наставник Иван по прозвищу Хрусталь из д. Добрости Крестецкого уезда (ил. 1). Большинство жителей этой деревни принадлежали к федосеевскому согласию, ныне относят себя к поморцам, до 1930-х гг. здесь имела моленная. Наставник изображен на фото с атрибутами клирошанина — он облачен в азым (кафтан), руки сложены в молитвенном жесте, в одной из рук он держит лестовку. Аналогичную функцию репрезентации служителя церкви имеет фотопортрет неизвестного старообрядца, поступивший в НГОМЗ до 1941 г. из Института истории материальной культуры РАН в комплекте с письмами, принадлежавшими федосеевскому наставнику Прокофию Данилову, служителю Старорусского старообрядческого монастыря-богадельни и переписчику книг¹. Вполне вероятно, что именно он запечатлен на фотокарточке 1880–90-х гг. (ил. 2). На человеке надет азым, левая рука опирается на стол с книгами, а правая, вероятно, сложена в дуперстное крестное знамение — распространенный жест на изображениях старообрядческих наставников и священников. Не менее репрезентативно в данном контексте и другое фото нач.

¹ О нем см.: Мельников И. А. Старообрядческий монастырь в Старой Руссе в конце XVIII — первой половине XX века: история, культура, современная историческая память // Новгородский исторический сборник. Вып. 19 (29). Великий Новгород: СПБ ИИ РАН, НовГУ, ИА РАН, 2020. С. 443–444.

XX в., изображающее служительниц скита у Московской заставы в Санкт-Петербурге Е. С. Павлову и П. К. Костюкову, происходивших из д. Лубино Солецкого района (ил. 3). Скит был устроен в 1876 г. и имел давние связи с Новгородской губернией и посадом Сольцы Псковской губернии¹. На портрете женщины изображены именно в роли клирошанок — в платках, длинных сарафанах и с раскрытым на столе фотоальбомом, имитирующим книгу.

С другой стороны, разнообразие социальных ролей запечатленных на фото лиц демонстрирует другая фотография, на которой одна из клирошанок (Е. С. Павлова) сфотографирована уже в совершенно другом виде (ил. 4). Она одета в платье городского образца, голова не покрыта платком, а волосы завиты и убраны в прическу. Вероятно, этот снимок имел совершенно иную репрезентативную функцию, не связанную с исполнением запечатленной на нем женщины обязанностей служительницы моленной, некогда принадлежавшей самому строгому направлению федосеевства. В данном случае мы имеем дело с образцом вполне обычного фотопортрета, не доносящего до нас собственно конфессиональную специфику. То же касается и портрета двух клирошанок д. Лубино Солецкого района (ил. 5), старообрядческой семьи Сенюгиных из той же деревни (ил. 6) нач. XX в., а также более поздних фотографий 1920–30-х гг., на одной из которых, в частности, запечатлен житель д. Алешонка Демянского района, вероятно, принадлежавший белокриницкому неокружническому согласию (ил. 7)². Примечательно, что это фото было передано его дочерью Косиловой А. С. в 1990 г. с целью сохранения памяти об отце, репрессированном в 1937 г. Таким образом, семейные воспоминания о сталинских репрессиях намеренно были введены владелицей фото в пространство культурной памяти.

¹ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. СПб: Лики России, 2010. С. 401–402. (511 с.); Мельников И. А. Старообрядческие скиты и богадельни Новгородской губернии во второй половине XVIII — XIX в. // Вестник архивиста. № 4, 2020. С. 1062–1063.

² Мельников И. А. Старообрядцы-неокружники Демянского района Новгородской области: история и современное состояние // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 698–722.

Также следует отметить, что внешний облик запечатленных на групповых снимках неоднороден. Обращает на себя внимание, что внешние признаки «старой веры» (борода у мужчин, платок темного цвета у женщин, традиционная одежда и т. д.), как правило, характерны для представителей старшего поколения. Это можно наблюдать как на снимках самого начала XX в., так и на фото 1930-х гг. Вероятно, это вызвано спецификой беспоповского направления старообрядчества, во многих соглашениях которого присутствует характерное внутреннее деление членов общины на более интегрированных во внешний мир и тех, кто полностью соблюдает все предписания церковного устава¹. У федосеевцев Новгородской области эти категории носили название «мирских» («навожонных») и «рабных» («большерабых», «христиан») соответственно, причем последние, как правило, были представителями старшего поколения². «Большерабые» должны были разойтись «на чистое житие», обязательно соблюдать правила, регулирующие внешний облик, пищевые запреты и т. д. В силу различных причин следовать всему вышеперечисленному могли в большей степени люди преклонного возраста. Вероятно, данное внутриобщинное деление и получило визуальное воплощение в семейных снимках старообрядцев.

Большинство анализируемых фотографий предназначались в подарок друзьям и близким родственникам, о чем свидетельствует, например, надпись на фотопортрете Е. С. Павловой: «1914го 17го ноября Дарю на Добрую Память Дорогой Сани от любящей Кате Павловой». Подпись на армейском фото К. П. Сенюгина, выполненная буквально накануне Февральской революции, также была рассчитана на сохранение воспоминаний об отце: «Милым деточкам на память от дорогого Папы. К. П. Сенюгин. 22/II 17 года» (НГМ КП 37745/120). Одно из фото семейного архива, на котором

¹ Зольникова Н. Д. «Свои» и «чужие» по нормативным актам сибирских староверов-часовенных // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 54–59; Черных А. В. Старообрядцы Пермского Прикамья: опыт межконфессионального взаимодействия // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 126–127.

² Воскресенская Т. А. Новгородские старообрядцы-беспоповцы во второй половине XIX — начале XX века: Мировоззрение. Быт. Культура. — Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2008. С. 84–87.

запечатлен крестьянин-старообрядец д. Грядско Солецкого района Н. Чугунов во время службы в армии, предназначалось в качестве подарка родным. Об этом свидетельствует запись: «Поздравляю я Вас с Новым годом и с новым счастьем. Н. Чугунов» (НГМ КП 37830/13).

Лишь одна фотография, запечатлевшая крестьянина-старообрядца д. Лубино Г. П. Сенюгина с лошадей (ил. 8), содержит подпись, отсылающую нас к истории местного старообрядчества: «Сию открытку писал Иногрешный (sic!) Инок Киприан». Эта запись оставлена федосеевским иноком Киприаном (Созоновым), некоторое время возглавлявшим скит на Московской заставе, а в 1890 г. возродившим скит на Ильюшкином острове Новгородского уезда¹. Таким образом, видно, что уже в это время федосеевские наставники и иноки Новгородской губернии вполне лояльно относились к фотографиям и фотографированию.

В силу того, что семейные снимки были своего рода «овеществленными воспоминаниями», на них мог непосредственно влиять и обратный механизм — забвения. В отрыве от семейного нарратива сложно в настоящее время сказать, что в той или иной конкретной ситуации могло повлиять на решение члена семьи, у которого хранилась фотография, «удалить» из нее (и, следовательно, из личных или общесемейных воспоминаний) кого-то из запечатленных. Это могли быть как частные конфликты, так и исторические катаклизмы, например, репрессии сталинского периода. Тем не менее, одно фото с изображением представителей солецких старообрядческих семей Посоховских и Сенюгиных содержит явные следы подобного рода «правки» фотокарточки и воспоминаний (ил. 9). Видно, что фигура слева сначала была вымарана с помощью чернил, а после и вовсе вырезана из снимка.

Большинство снимков были сделаны в мастерских Санкт-Петербурга: фотоателье «Victoria Portrait», «Visit Portrait», А. Семененко, В. Виссарионова, И. Ильина. Лишь одно фото создано в мастерской А. Глазачева в Новгороде. Это вполне объясняется тем, что пода-

¹ Мельников И. А. Старообрядческие скиты и богадельни Новгородской губернии... С. 1063.

вляющее большинство фотографий из музейного собрания (13 из 16) происходят из одной местности, старообрядцы которой имели тесные связи со своими петербургскими единоверцами. Впрочем, это актуально и для прочих районов современной Новгородской области, значительная часть населения которой активно занималась отходничеством, имела тесные деловые связи с северной столицей¹. Эти связи, в случае старообрядцев, упрочивались общностью веры.

Небольшая коллекция старообрядческих фотографий кон. XIX — нач. XX в. из собрания НГОМЗ демонстрирует вариативность репрезентативных акцентов в контексте старообрядческой семейной памяти рубежа XIX — XX вв. Конфессиональная составляющая в ней не является наиболее значимой, что демонстрируют фото, на которых одни и те же лица могут представлять перед нами и в образе служителей церкви, и вполне светскими по своему внешнему облику. Особенно это касается более поздних снимков, созданных в 1910–1930-х гг. Кроме того, семейные фото отражают особенности внутренней организации общин федосеевского согласия, которая наложилась на социокультурные изменения перв. пол. XX в., когда традиционная религиозность сельского населения вблизи крупных городов во многом становилась достоянием старшего поколения, менее подверженного влиянию городской среды. Наконец, среди приведенных фото имеется свидетельство попытки исключения тех или иных нежелательных воспоминаний. Вышеперечисленные выводы касаются лишь проанализированных фотографий, сделанных представителями зажиточного крестьянства, которые имели тесные связи с городской средой. Разрозненные фотографии из личных старообрядческих семейных собраний являются интересным историческим источником и нуждаются в дальнейшем изучении.

¹ Лурье Л. Я. Соседский капитализм. Крестьянские землячества Петербурга конца XIX — начала XX века. — СПб: Изд-во ЕУ СПб, 2020. С. 40–42.

Список иллюстраций

- Ил. 1. Старообрядческий наставник д. Добрости Крестецкого района Иван Хрусталь (НГМ КП 38432–1)
- Ил. 2. Неизвестный старообрядец (Прокофий Данилович (?)) (НГМ КП 25999–89)
- Ил. 3. Певчие Санкт-Петербургской моленной у Московской заставы Павлова Е. С и Костюкова П. К. (НГМ КП 37745–122)
- Ил. 4. Певчая Санкт-Петербургской моленной у Московской заставы Павлова Е. С. (НГМ КП 37745–123)
- Ил. 5. Солевые певчие Лубинской моленной Сенюгина М. П. и Ракова А. Я. (НГМ КП 37745–118)
- Ил. 6. Крестьяне старообрядцы Сенюгины из с. Лубино (НГМ КП 37745–125)
- Ил. 7. Крестьянин д. Алешонка Лычковского района Ленинградской области Иванов С. И. (НГМ КП 38535–139)
- Ил. 8. Сенюгин Г. П. с лошастью (НГМ КП 37745–121)
- Ил. 9. Крестьяне-старообрядцы Посоховские, М. П. Сенюгина с подругой (НГМ КП 37745–126)